

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2014" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2014 года.

1 место

[Конкурсное произведение 260. "Возвращение в лабиринт. Адониада Ариадны"](#)

... Здесь проснётся сад. Скоро свет просочится сквозь
незадёрнутый свод. Будет ветер к земле клонить
травяную ось,
прикоснёшься - с неё на ладонь соскользнёт ответ,
кто тебя хранит, кто течёт, холодком дразня.
Прочитай губами, как раньше читал меня.

А теперь кончается нить,

ведь никто, как ты, не искал в лабиринте суть,
возвращаясь сюда. Ведь как ты - не посмел никто
под землёй уснуть -
и проснуться в саду - в полусонной его листве,
в колосках травы, в еле слышимом колдовстве,
с одуванчиком на растрёпанной голове.

Это было долгое До...

... оглядись, Эгид: вместо стен и песка - каскад
успокоенных вод. Охраняют небесный скат
голоса цикад.
Но в ладони болит роса, обретая цвет. -
Эти травы не помнят о нашем с тобой родстве.
Вместо сна и снега - спускается первый свет.
Шелестит проснувшийся сад...

2 место

[Конкурсное произведение 76. "Провинциальное"](#)

...и неважно, где он и как зовётся –
городок с часовенкой под ребром.
Ночью время черпаешь из колодца,
до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью.
Всё застыло будто бы на века
в закоулках этого захолустья.
На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем.
На лугах – ершистая трын-трава.
Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! –
Отболев, отникнуть, но – черта с два! –
Как ни бейся – хлёткая пуповина
неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам).
На столе – портрет (утонувший брат).
На цветастом блюде – свечной огарок.
Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковёр с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,

прикипает к памяти навсегда.
В сенокос – царапины на запястьях,
да жара без продыху – ерунда.
От того, что было сплошной рутинной –
горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колышется паутиной –
даже выдохнуть страшно,
а вдруг порвёшь?

3 место

[Конкурсное произведение 106. "Седьмой фут"](#)

Вместившись постепенно и с трудом
в садовую квадратную лагуну,
он в ней прижился, деревянный дом,
похожий на беспарусную шхуну.
У ног его шумел кафешантан
куриный, с шантеклером сипловатым,
но ранним летом умер капитан,
а осенью нагрянули пираты.

Единственный его жилец и страж –
котёнок, умопившись на заборе,
глядел, как растащили такелаж
и топорами вырубали море,
и слушал, как из предпоследних сил,
теряя дар движения и речи,
велосипед беспомощно скулил,
грузовику заброшенный за плечи.

Затих собачий заполошный крик,
а он остался - пыльный, неуклюжий,
высокий неухоженный старик
в полусохшей виноградной луже.
Стоит, опустошённый до ключей,
и смотрит сквозь чугунные ресницы,
от солнечных насмешливых лучей
хотя – и не умея заслониться.

4 место

[Конкурсное произведение 109. "Секунда над Волгой"](#)

Деревья вырастают в земельную суть.

Под ветром попробуй поблагорассудь! -
Над рядом дворов-дровоколен
Венчается звон колоколен.

Сметая причалы, грызя невода,
Вдоль берега бродит босая вода,
Которая с ночи качала
Волну от судов до подчала.

И ты, занесённый в уездную глушь,
Стоишь, постигая величие луж,
Такой же, как лужи, казённый.
От воздуха вдрызг развезённый.
И мысли, как реки, не чуя буйков,
Стекают в раздол сквозь дымы комельков.

Прибьёшься к пивной, где питейщик-делец
Растит разносолы девичьих телец.
Вильнёшь между ними улейкой,
Увязнешь на ленточке клейкой...

...

и вдруг просыпаешься, век отлюбя.
осталась минута дожить до себя.
с гримасой отца и провидца,
над ямою ясень троится.

разметка судьбы исчезает с руки.
пытаешься крикнуть. хватаешь портки.
забьёшься, как вошь, на кровати.
и видишь: секунды не хватит.

5 место

[Конкурсное произведение 158. "На прикорневом лету"](#)

радость моя, в путанице корней,
пробирающихся из-под земли, как Орфей из ада,
не разбирая дороги, думая всё нежней
о том, что всё-таки надо
бы давно заглянуть к тебе, на прикорневом лету,
с рыночным рюкзачком, под приземлённый ветер,
завиваю себе шаг за шагом да словеса плету,
думая всё нежней о том, как деревья эти
кормятся физраствором подземным, как мать земля
держит их на груди, не даёт им дурной свободы.
пробовать воздух локтем свитера как для

собственного младенчика воду.
видеть, как к кухонному стремящиеся огню
сумеречных прохожих порхают лица
и по привычке к словоплетению на корню
из пролетающих листьев складывать слово «листья».
не забывать под остекленевшей водой витрин
рыночных — мёртвые стёклышки взглядов рыбьих.
переживать вид усыпальницы изрешечённых рыб
на уже бесполезных подводных крыльях.
им не взлететь не всплыть не разбить стекла, так и лежать.
я вам сплела имена из прикорневого ветра,
рыба LedZeppelin, рыба воздушный шар,
рыба гагарин, рыба ночная ведьма
радость моя! не воспарить на метле, так нырнуть в кабак
сцены твоей, и в полумрачном зале
песенкой отогреться, да наглядеться, как
немолодые вакханки тебя терзают

6 место

[Конкурсное произведение 24. "Когда наступает время..."](#)

Когда наступало время тоски и вечера,
он, за́ день своё положенное избе́гав,
утюжил рубашки, бережно вешал на плечики;
все белые-белые, белей твоего снега.
Ходил, любовался. Мурлыкал под нос мелодии.
Следил, чтобы всё в порядке — любая малость:
ему так казалось, что он не один. И, вроде бы,
рубашкам тоже так нравилось и казалось.
Вздыхал, что его чудеса зарастают былями,
что люди свои проблемы решают "сами"...
Рубашки, впуская людей, шелестели крыльями.
Хранили, спасали...

7 место

[Конкурсное произведение 220. "Не отпустила"](#)

Не отпустила. Грозилась повеситься.
Он остался.
Больше любила, наверно. Был весь в отца.
Первый. Старший.

Батю не помнили фотокарточки.
Спит пехота

где-то под Курском, лежит вповалочку.
Беззаботно.

Здесь – лебеда, трудодни да пахота.
Сон короткий.
Быстро взрослелось в черной рубахе той.
Бесповоротно.

Ближе к земле – проще выжить, казалось бы.
Он и выжил.
Ниже к земле без единой жалобы –
небо ближе.

Небо держалось, скрипело на избах трех.
И устало.
Вкрадчиво, как проступает на камне мох,
ела старость.

В том году засуха выгрызла дочерна
все живое.
Мать отправлял к городской ее дочери.
Под конвоем.

После до света курил под окошками.
Выла псина.
И тишина ртом немym перекошенным
голосила.

Всех поминала, кому не по возрасту
жмет земляица.
И не ослабить тесного ворота.
Не откреститься.

Мать хоронили за тысячу верст. И он
не поехал.
Вязла деревня в осени островом
по застрехи.

Жар ледяной оседал в крови спорами,
белым сором.
Спрашивал землю и небо, скоро ли?
Вышло скоро.

В город свезли против воли. На химию.
Врач в палате
детям сказал: он не помнит имени,

неадекватен.

Все повторяет: откройте ставни, мол,
света мало.

И для чего ты меня оставила
.....

8 место

[Конкурсное произведение 129. "Последний"](#)

В печке не пляшет, а старчески шамкает.
Слышишь, не дышит кремешная стынь.
Нет ни принцесс, ни драконов, ни замков тут –
остовы чудищ, а, может, кусты.
Шепчут шаги невесомые чуткие
на чердаке – домовой стережет
наше сокровище позднее, шутка ли,
счастье на старость. Месит снежок
тощая тень под худыми окошками,
чтобы волчок тебя в лес не унес.
Слышишь, из ковшика звездными крошками
запорошило медведице нос.
Глухо крест-накрест защиты окрестности.
Не прошмыгнет ни одна из дорог.
Много легло здесь, умаявшись, без вести.
Ты постарайся выспаться впрок.
Спи и не слушай, как сердце колотится.
Будет бессонница – крестная мать.
Доля студеной водицы колодезной –
мертвой деревне глаза закрывать.

9 место

[Конкурсное произведение 279. "Волхвы и Василий"](#)

Когда поёживается земля
Под холодным пледом листвы,
В деревню "Малые тополя",
А может, "Белые соболя",
А может, "Просто-деревню-мля"
Хмуру входят волхвы.

Колодезный ворот набычил шею,
Гремит золотая цепь.
Волхвам не верится, неужели

Вот она - цель?
Косые взгляды косых соседей,
Неожиданно добротный засов,
А вместо указанных в брошюрке медведей
Стаи бродячих псов.
Люди гоняют чифирь и мячик,
Играет условный Лепс.
Волхвы подзывают мальчика: "Мальчик,
Здесь живёт Базилевс?"
И Васька выходит, в тоске и в силе.
Окурок летит в кусты.
"Долго ж вы шли, - говорит Василий.
Мои руки пусты, - говорит Василий.
Мои мысли просты, - говорит Василий.
На венах моих - кресты."

Волхвы сдирают с даров упаковку,
Шуршит бумага, скрипит спина.
"У нас, - говорят, - двадцать веков, как
Некого распинать.
Что же вы, - говорят, - встречаете лаем.
Знамение, - говорят, - звезда."

А Василий рифмует ту, что вела их:
"Вам, - говорит, - туда."
Василий захлёбывается кашлем,
Сплёвывает трухой,
"Не надо, - шепчет, - лезть в мою кашу
Немытой вашей рукой.
Вы, - говорит, - меня бы спросили,
Хочу ли я с вами - к вам.
Я не верю словам, - говорит Василий.
Я не верю правам, - говорит Василий.
Я не верю волхвам", - говорит Василий
И показывает волхвам:

На широком плече широкого неба
Набиты яркие купола.
Вера, словно краюха хлеба,
Рубится пополам.
Земля с человеком делится обликом,
Тропа в святые - кровава, крива.
А небо на Нерль опускает облаком
Храм Покрова.
Монеткой в грязи серебрится Ладога,
Выбитым зубом летит душа,

А на небе радуга, радуга, радуга,
Смотрите, как хороша!

Волхвы недоуменно пожимают плечами,
Уворачиваются от даров.
Волхвы укоризненно замечают,
Что Василий, видимо, нездоров.
Уходят, вертя в руках Коран,
Кальвина, Берейшит.

Василий наливает стакан,
Но пить не спешит.

Избы сворачиваются в яранги,
Змеем встаёт Москва,

И к Василию спускается ангел,
Крылатый, как X-102:
"Мои приходили? Что приносили?
Брот, так сказать, да вайн?"
"Да иди ты к волхвам, - говорит Василий.
А хочешь в глаз? - говорит Василий.
Давай лучше выпьем", - говорит Василий.
И ангел говорит: "Давай."

10 место

[Конкурсное произведение 150. "Хозяин"](#)

Уходя – уходи. А его задержали между:
видно, слишком большой оказалась цена билета.
Он сначала грустил и угрюмо не верил в это,
затаился в шкафу и от скуки считал одежду,
полотенца, салфетки, наволочки, скелеты.

А потом осмелел. Выходил – только ночь настанет,
поднастроил скрип половиц под свои мотивы,
и бродил, словно пел. А когда от тоски мутило,
он лелеял слова в онемевшей своей гортани,
но вовне из неё лишь шипение выходило...

Он теперь в темноте, словно кот, различал предметы,
а его среди предметов различала хозяйская кошка.
Удивлялась, следила, боялась (совсем немножко).
Он ей что-то шептал, и она понимала это,
и порой разрешала забираться в своё лукошко.

Он вживался в роль. И всё больше сживался с домом.
Перестал удивляться, что в тулупе все швы наружу,
что ему никто заглянуть не пытался в душу,
что пока весь день он дремал в уголке укромном,
ни один злодей не смел его сон нарушить.

Примирился с тем, что для мира неосязаем.
И когда однажды на прохладный каскад ступенек
человек перед ним положил, поклонившись, веник
и сказал «тут пожил – у нас поживи, Хозяин»,
встрепенулось сердце: «не видят» не есть «не верят»!

И, вздохнув, разорвал неоплаченный свой билетик,
став навеки связным у миров. Между Тем и Этим...

